

ПРОБЛЕМЫ АРГУМЕНТОРИКИ

Г.В. Сори́на

Памяти Владимира Никифоровича Брюшинкина

ПРОЕКТ «ПСИХОЛОГИЗМ-АНТИПСИХОЛОГИЗМ» В МЕТАТЕОРЕТИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ¹

Трудно свыкнуться с мыслью о том, что я пишу статью памяти Владимира Никифоровича Брюшинкина. Невероятно трудно найти слова для описания моей личной, никогда не восполнимой потери Друга, Коллеги, Философа, умевшего слушать и слышать Мир – как современный, так и пришедший к нам вместе с текстами других эпох. «Большое видится на расстоянии» – достаточно стандартная фраза, порой ее используют для оправдания, что не сумели вовремя увидеть масштаб личности, которая уже покинула наш мир. Мне эта фраза не потребуется. Еще в книге, написанной мною в 1993 году «Логико-культурная доминанта. Очерки теории и истории психологизма и антипсихологизма в культуре», я уже в первом очерке посвятила специальный параграф концепции Владимира Никифоровича Брюшинкина. Параграф называется «Новый психологизм» в программе метапсихологизма В.Н. Брюшинкина». Помню, как удивлялись этому параграфу мои коллеги – из поколения учителей и поколения друзей. Теперь я понимаю, что успела написать сразу, вовремя, в рамках исследовательской области, которой мы занимались вместе уже в конце прошедшего столетия. Без понимания идей «Нового психологизма» в проекте метапсихологизма

¹ Исследование ведется при финансовой поддержке РФНФ грант № 10-03-00250 «а».

В.Н. Брюшинкина, на мой взгляд, трудно понять особенности его последующей творческой деятельности, связанной уже с Моделями рассуждений. К этой мысли я вернусь в следующей статье памяти Владимира Никифоровича Брюшинкина. А теперь — сама статья.

В статье спор между психологизмом и антипсихологизмом рассматривается как длящийся сквозь века проект, обладающий всеми признаками логико-культурной доминанты (ЛКД). Очевидно, что такой подход к данной совокупности проблем может быть осуществлен только на метатеоретическом уровне. Именно поэтому проект «психологизм-антипсихологизм» я и помещаю в метатеоретический контекст, в частности, рассматривая концепцию метапсихологизма В.Н. Брюшинкина.

The article considers debate between psychologism and anti-psychologism as a project lasting through the ages which possesses all the features of logical and cultural dominant. It is obvious that such approach can be implemented only on the meta-theoretical level. This is why project “psychologism-anti-psychologism” is placed in the metatheoretical context, particularly by considering the conception of metapsychologism of V. Bryushinkin.

Ключевые слова: проект, проектная деятельность, психологизм, антипсихологизм, логико-культурная доминанта.

Keywords: project, project activity, psychologism, anti-psychologism, logical and cultural dominant.

Идеи «проектной философии» позволяют выявлять философско-методологические основания различных форм проектной деятельности. В частности, работать с длящимися во времени проектами, которые, с одной стороны, периодически рассматриваются в культуре в качестве завершённых, а с другой — вновь

проявляются на каком-то дополнительном метатеоретическом уровне анализа. Такие проекты вполне соответствуют концепции логико-культурных доминант. Наиболее ярко, на мой взгляд, в качестве примера длящегося проекта в контексте разных эпох может быть представлена антитеза «психологизм-антипсихологизм» как ЛКД эпохи [23]. Возможно, яркость и значимость этого проекта усиливается за счет того, что он включает в свой состав обсуждение проблем именно логики, выступающей, в свою очередь, в качестве самостоятельной ЛКД, представленной в разных эпохах [там же].

«Психологизм-антипсихологизм» как ЛКД интересен в контексте проектной деятельности и по следующим основаниям. Если *в качестве одной из важнейших характеристик для самостоятельных и прямо противоположных друг другу проектов «психологизм» и «антипсихологизм» оказывается их отношение к субъекту как таковому*, понять особенности становления проектной деятельности, процедуры формирования проекта невозможно без учета деятельности определенных субъектов, которые планируют, а затем и реализуют конкретные проекты. Отношение к субъекту объединяет/различает между собой «психологизм» и «антипсихологизм». В то же время отношение к субъекту предстает как в качестве важнейшей характеристики «проектной философии». Именно субъект формирует целевые установки проекта и действует в процессе его реализации.

Процессы подготовки и реализации проектов носят ярко выраженный субъектный характер. Для понимания проектной деятельности как таковой важно понимать особенности субъектной зависимости проектов от деятельности конкретных субъектов, принимающих решение: сначала — подготовить, а затем — реализовать проект. Особенно ярко это можно просле-

дить в сфере политики. Достаточно вспомнить проект «перестройка», чтобы осознать: его понимание во многом связано с особенностями такого субъекта принятия решений в подготовке и попытках реализации проекта «перестройка», как М.С. Горбачев. Без него как субъекта принятия решений выстроенный проект был бы просто невозможен.

Не менее ярко зависимость проекта от деятельностной характеристики субъекта проявляется в научно-исследовательской сфере. В качестве примера могу привести проект «Модели рассуждений», исходно подготовленный В.Н. Брюшинкиным и им же развиваемый в течение ряда лет. Другое дело, что участие в этом проекте, вовлеченность в него ограничивается небольшим научным сообществом логиков, в отличие, например, от политических проектов, куда могут быть вовлечены (как в случае с перестройкой) действительно все члены общества.

Более того, на определенных исторических этапах развития субъект принятия политических решений может открыто заявлять о замещении собой группы, класса, общества в целом. Говоря языком права и управления, такой субъект оказывается субститутом, замещающим собой всех остальных неразличимых в общественной структуре субъектов. Достаточно вспомнить, вслед за Бурдые, знаменитые фразы Людовика XIV: «Государство — это я» или Робеспьера: «Народ — это я». Подобный субститут (в качестве субъекта принятия решений) стремится конструировать социальный мир в зависимости от своего личного видения, не различая, не учитывая факт существования других субъектов. Такое положение дел характерно для любого тоталитарного общества, в котором все существующее в обществе и государстве множество других субъектов оказывается неразличимым, ибо центральную роль занимает один субъект, окружен-

ный небольшой группой приближенных к нему и сопровождающих его субъектов.

В то же время внутри существующего социального мира субъект принятия политических решений (даже если он выступает в функции субститута) оказывается одним из социальных субъектов. Он, как показывает Бурдьё, постоянно классифицируют себя с точки зрения выбора стиля поведения, одежды, способов использования свободного времени и т.д. Внешне социальный субъект находится, порой формирует более широкое социальное пространство, чем сфера политики. В реальном же положении дел оказывается, что любой фрагмент социального пространства зависим от особенностей политического пространства, заданного в том числе его концептуальным аппаратом. Думаю, даже кратко представленные примеры проектной деятельности в разных социальных сферах, в первую очередь политической, позволяют достаточно четко представить себе место и роль субъекта в подготовке реализации проектов. В то же время политические проекты оказываются лишь частным случаем проектной деятельности как таковой. В рамках любого проекта целевые установки формируются конкретными субъектами в конкретных социально-политическом и научном контекстах.

В свою очередь, концепция логико-культурных доминант (ЛКД) позволяет анализировать различные области гуманитарной культуры с точки зрения выделения общей для них проблематики. Сама идея проектной деятельности в современных условиях становится своеобразной ЛКД эпохи, а слово/понятие «проект» — важнейшим для науки, образования, политики, культуры в целом. В каждой из сфер современной культуры конкретные проекты готовятся, обсуждаются, принимаются/отвергаются, финансируются/не финансируются и т.д. В этом смысле оказывается, что

множество сфер социальной деятельности носят проектный характер.

В то же время, на мой взгляд, именно антитеза «психологизм-антипсихологизм» по-прежнему остается одним из наиболее ярких примеров движения логико-культурной доминанты в культуре. Это связано, в частности, с тем, что данная ЛКД фактически объединила комплекс различных гуманитарных наук в разные и эпохи, и комплекс проблем, характеризующих «психологизм-антипсихологизм», вновь начинает активно обсуждаться теперь уже в XXI веке [15].

Оказывается, что в старом споре, в делящихся проектах «психологизм» и «антипсихологизм» в современности можно выявить новые грани, новые черты, если проанализировать их как сквозную проблему, характеризующую разные пласты гуманитарной культуры. Эти два проекта, тесно связанные друг с другом, *отнюдь не являются проектами, направленными только на интерпретацию логики, поиск философско-методологических оснований логики как науки.* В рамках данных проектов, в частности, речь идет о понимании сущности знания, обосновании различных видов научно-теоретического знания. Другое дело, что в рамках обсуждения логики вся совокупность данных проблем проявилась наиболее ярко. Но повторю еще раз: комплекс проблем, связанных со спором между психологизмом и антипсихологизмом, проявился практически во всех пластах гуманитарной культуры.

Концепция ЛКД как инструмента методологического анализа была сформулирована автором данной статьи еще в 1993 году в книге «Логико-культурная доминанта. Очерки теории и истории психологизма и антипсихологизма в культуре» [23]. ЛКД направлена на анализ межнаучных отношений, выявление условий трансляции каких-то идей из одной области научного знания в другую, из одного пласта культуры в

другой. Так, анализ антитезы «психологизм-антипсихологизм» в качестве ЛКД эпохи позволяет сделать вывод: она является одной из пресуппозиций, не единственной, не той, к которой можно свести все другие, но именно одной из существенных пресуппозиций, определивших облик всей культуры XX века. Спор между психологизмом и антипсихологизмом в качестве важной пресуппозиции присутствует:

- во фрегевской концепции логики, определившей во многом современное состояние логики;
- в гуссерлевской феноменологии;
- в некоторых принципиальных положениях семиотики;
- в программных установках неопозитивизма;
- в концепциях раннего и позднего Витгенштейна;
- в попперовской методологии;
- в сосюрвской лингвистической концепции;
- в бахтинской теории полифонии и диалогизма;
- в психологии искусства Выготского.

Это — незавершенный список, ибо в той или иной форме спор между психологизмом и антипсихологизмом присутствует и в других пластах гуманитарного знания. Анализ текстов соответствующих областей гуманитарной культуры иногда давал «критерии», иногда — «симптомы» (в витгенштейновских терминах) наличия обсуждаемой проблематики в качестве существенной пресуппозиции в перечисленных выше концепциях.

Основное отличие ЛКД как единицы методологического анализа от уже ставших классическими методологических средств заключается в ее направленности на разнообразные пласты, в первую очередь гуманитарной культуры, в разные исторические промежутки времени. Содержание понятия ЛКД не фиксируется строгим определением. Опыт определения ку-

новской парадигмы показывает бесперспективность попыток введения жесткого определения методологического инструментария. Понятие «логико-культурная доминанта» рассматривается как открытое и способное получать дополнительные разъяснения по мере анализа форм его проявления в разных пластах культуры, в разные эпохи.

Говорить о существовании ЛКД в культуре можно, только если зафиксированная в каком-то пласте культуры проблема, характеризующая его интеллектуальные особенности, может быть выявлена в иных пластах культуры исследуемой эпохи, а затем — в других эпохах, т.е. если С есть ЛКД и С принадлежит какому-то пласту культуры, то она проявляется в других пластах культуры и в следующих после возникновения ЛКД эпохах.

Можно описать совокупные миры психологизма-антипсихологизма, которые как бы присутствуют в качестве отдельных миров в гуманитарной культуре как прошлого, так и современности. Так, совокупный мир психологизма как определенная сложная система не сводится к мирам психологизма конкретных наук, точно так же, как любая сложная система не может быть сведена к составляющим ее элементам. «Понятие сложности системы не является тривиальным. Кроме того, не существует и его общепринятого определения» [16; с. 25].

Рассматривая проблемы психологизма в разных пластах культуры, я вовсе не хочу сказать, что имя «психологизм» имеет одно и то же фиксированное значение для всех пластов культуры. Речь идет об анализе проблем психологизма (а затем и антипсихологизма) с точки зрения того, что Витгенштейн называл «семейным сходством». «Родство» психологизма в разных пластах культуры связано с тем, что для описания целой группы проблем используются одни и те же по-

нения, похожие модели аргументации, применяемые для обоснования преимуществ психологизма или антипсихологизма в качестве инструментов методологического анализа тех или иных областей знания. В силу этого в большом мире психологизма накапливаются элементы, характеризующие разные пласты культуры, разные науки. Даже в мире одной конкретной науки психологизм может проявляться в разных формах. Например, классификация только логического психологизма, предложенная В.Н. Брюшинкиным, выглядит следующим образом: «редукционистский психологизм — наивный психологизм — крайний психологизм...» [4; с. 47]. Вместе с тем, думаю, можно сказать: то, что делает теорию психологистической в самых разных науках, определяется следующими *тремя основными установками*:

- утверждение методологического и теоретического превосходства психологии над всеми другими науками;
- декларация необходимости построения других наук на базе психологии;
- выделение решающей роли субъекта в науке и культуре.

Отношение к субъекту, выявление его места в процессах, исследуемых в конкретных науках, сферах культуры, подчеркивание основополагающей роли субъекта или полное отрицание его значения в каждой конкретной сфере является важнейшей линией противостояния между психологизмом и антипсихологизмом. В то же время, образно говоря, формы психологизма в конкретных науках как бы выбирают свои элементы из совокупного мира психологизма, но в результате эти элементы не перестают принадлежать большому миру психологизма. Итак, в совокупном мире психологизма:

- науки строятся на фундаменте психологии, ли-

шаясь тем самым собственным предметом, превращаясь в прикладную психологию;

- науки интерпретируются с точки зрения их эмпирического характера;
- образцом методологической стратегии выступает психологически понятая логика;
- возможности объяснения других наук выстраиваются исходя «из психологии» и психологически понятой логики;
- научное понимание связывается с представлением, условия понимания в разных науках ищутся в душах людей;
- происходит субъективизация и натурализация процесса познания;
- структуры познания связываются с психологическими структурами;
- научное знание понимается исключительно как результат деятельности познающего субъекта;
- субъект трактуется как общий знаменатель всех наук;
- в каждой науке анализируются конкретные результаты мыслительной деятельности познающего субъекта и дается своя информация о субъекте познания;
- ассоциативная психология используется для объяснения закономерностей развития в разных науках (например, как логические законы, так и лингвистические трактуются с точки зрения действия ассоциативных связей);
- познавательный процесс, творчество описываются с использованием понятийного аппарата ассоциативной психологии;
- в конкретных областях знания исследуются проблемы «творческой психологии»;
- логические высказывания обосновываются эмпирическими фактами;

- культуру оказывается возможным соотнести с «несколькими простыми формами мышления», поэтому, в свою очередь, столь востребованной становится психологистически истолкованная логика;
- законы психологии, отождествленные с законами ассоциативной психологии, понимаются как константные величины, применяемые для характеристики людей вне зависимости от эпох и социально-экономических условий их жизни;
- проблемы истории, культуры и цивилизации в целом понимаются как психологические;
- исторические события реконструируются на основе ассоциаций, «сочувственного переживания», «психических состояний», «психических процессов»;
- проводится идея ассоциированности различных событий в истории;
- в сфере общественных отношений постулируется первичность субъекта по отношению к социуму;
- происхождение и развитие социальных институтов, общественных традиций связывается исключительно с «человеческой природой»;
- «методология индивидуализма» (понятие введено Поппером) оказывается важнейшим для понимания и объяснения жизни социума;
- язык трактуется как сложный психический процесс, сводимый к явлениям ассоциации и апперцепции;
- истина трактуется как имеющая психологическое происхождение, как то, что непосредственно связано с человеческим отношением к реальности;
- в центре философского рассмотрения оказывается анализ непосредственных данных сознания, исследование психического мира изолированно взятой личности;
- «биографизм» становится одним из принципов научного анализа (реконструируется биография авто-

ров, персонажей литературных произведений, языковых форм, идей и т.д.);

- проблемы открытия, получения нового знания связываются исключительно со сферой ведения психологии.

Это — далеко не полный перечень элементов совокупного мира психологизма. Психологизм может проявляться в самонаблюдении и интроспекции как основных методах анализа, но он же может проявляться и в других методах изучения, даже в отборе материала исследования [24; с. 73]. Мне представляется важным подчеркнуть: мир психологизма — открытая система, продолжающая накапливать свои элементы. При рассмотрении данной антитезы вполне оправданными оказываются следующие вопросы: Что противопоставил антипсихологизм психологизму? Каков мир антипсихологизма?

Отвечая на них, на мой взгляд, важно подчеркнуть: в целом движение антипсихологизма было направлено против «аксиом психологизма». Три основных тезиса антипсихологизма в комплексе гуманитарных наук прямо противостоят трем основным тезисам психологизма. Антипсихологизм исходит из следующих установок:

- содержание ни одной науки, включая психологию, не может быть объяснено и обосновано в психологических терминах, оно никак не связано с психическими процессами. В силу этого у психологии нет методологического и теоретического превосходства над всеми другими науками;

- любая наука должна выстраиваться на собственных основаниях, ориентироваться на исследование своих собственных форм, определяющих ее содержание;

- в науке не просто недопустимо все сводить к психическим процессам познающего субъекта, субъект

вообще должен быть выведен за рамки науки. «Машина науки» выдает результаты без вмешательства человека. Человек же лишь должен знать метод, позволяющий ему использовать эту машину.

Соответственно разным установкам гуманитарный мир по-разному строился и по-разному выглядел в рамках психологизма и антипсихологизма. Конечно, во многом мир антипсихологизма строился по принципу «анти». Однако он не был единственным принципом построения мира антипсихологизма. Так, семиотический, знаковый характер языка, искусства, выявленный антипсихологизмом, невозможно связать только с противопоставлением его психологизму. Антипсихологизм был одной из принципиальных установок, определивших разработку семиотики [18; с. 5]. В то же время основные достижения направлений, использующих идеи антипсихологизма в качестве своих методологических и теоретических предпосылок, в частности семиотики, связаны с разработкой ими собственной позитивной программы и в этом смысле с преодолением принципа «анти».

Вместе с тем существенной ошибкой антипсихологизма (чаще всего просто декларируемого) в его споре с психологизмом является, на мой взгляд, упрощение им психологизма, сведение последнего к какой-то одной, хотя и центральной, характеристике. Чаще всего в качестве таковой рассматривается его тезис о необходимости построения других наук на базе психологии. После проведения операции сведения вся критика направляется против выделенного тезиса, *при этом собственно позитивная программа психологизма не рассматривается.*

Современный поворот к психологизму отнюдь не предполагает возрождение выше изложенного тезиса психологизма. Скорее это в первую очередь *возвращение к идее о решающей роли субъекта в науке и культуре,*

что явным образом прослеживается в современных публикациях В.С. Меськова и его коллег [10–14]. Но она столь явно была представлена и в работах позднего Э. Гуссерля. При этом гуссерлевский поворот к психологизму ещё в работе 1993 года я характеризую как «анти-антипсихологизм».

Возвращаясь к характеристике совокупного мира антипсихологизма, можно представить следующие его характеристики. В мире антипсихологизма:

- отвергается статус психологии как основы для построения других наук;
- отрицается связь между основополагающими утверждениями конкретной науки и психологии;
- декларируется независимое существование наук, несводимость их понятийного аппарата к понятиям психологии;
- невозможность описания в конкретной науке результатов мыслительной деятельности познающего субъекта;
- не принимается возможность сведения содержания знания к каким-либо психологическим процессам;
- отвергается возможность объяснения и обоснования научного знания в терминах психологии;
- отклоняется трактовка эмпирического знания как основы для получения теоретических суждений. Например, в логике это выражается в тезисе «логика есть до всякого опыта» [8; с. 79, 5.552];
- отбрасывается психологистическая идея трактовки научного знания исключительно как результата деятельности познающего субъекта;
- субъект вообще выводится за рамки науки, постулируется принцип «изоляции субъекта, или, скорее, показа, что в некотором важном смысле субъекта нет...» [там же, 5.631];
- структуры познания, понимание в науке связываются с объективным характером мышления;

- познавательный процесс описывается с помощью объективных категорий, в качестве которых рассматриваются, например, системные и семиотические;
- истина понимается либо как некая метафизическая сущность, либо как объективное соответствие мысли действительности;
- язык трактуется как явление, независимое от психики;
- ставится задача избавления языка от неопределенности и многозначности;
- возрождается классический принцип однозначности слов в качестве средства против путаницы в рассуждениях;
- исторические события реконструируются на основе так называемой объективной логики развития;
- в сфере общественных отношений социум рассматривается как предшествующий субъекту;
- отвергается связь между общественными институтами, традициями и «человеческой природой»;
- постулируется «кристальная чистота логики»;
- утверждается, что стремление к строгости и однозначности присуще не только логике, но и другим наукам;
- утверждается методологический принцип, позволяющий сначала выделять конкретные «срезы» исследуемых объектов, затем — проводить их изолированное рассмотрение;
- происходит поиск в самых разных сферах культуры и науки общего и устойчивого взамен присущего психологизму поиска индивидуального и неповторимого;
- формируется «забота о формализации», которая проходит сквозь разные миры антипсихологизма в конкретных областях науки и культуры;
- результаты познавательной деятельности субъекта выделяются в отдельный объективированный мир

(Фреге, Поппер), независимый от познающего субъекта;

- наука сравнивается с машиной, без вмешательства человека способной выдавать результаты.

Точно так же, как и по отношению к совокупному миру психологизма, выделенные мной элементы мира антипсихологизма не представляют собой его полное описание. Этот мир тоже является открытой системой, продолжающей накапливать свои элементы. Такая открытость обоих миров связана, на мой взгляд, с периодически возрождающимся интересом в науке и культуре к заданным в них проблемам, с проектным характером этих миров, периодически угасающих и вновь возрождающихся в культуре.

Возникает вопрос: как проявляется возрождение интереса к проблемам этих миров в современных условиях?

Как в период становления классической формы противостояния психологизма и антипсихологизма, так и сегодня возрождение интереса к этой проблематике в качестве явно сформулированной проблемы происходит области логики и методологии науки. В то же время возрождение такого интереса в современности можно проследить в когнитологии. Думаю, можно указать несколько причин этого явления, которое начинается в конце XX века и продолжается в XXI веке, в том числе:

- констатация, с одной стороны, факта, что решение проблем спора между психологизмом и антипсихологизмом в пользу антипсихологизма не столь однозначно, и можно говорить о тенденции возрождения логического психологизма [2, с. 212–235, 1, с. 24–33];

- подчеркивание, с другой стороны, необходимости проведения последовательной линии антипсихологизма и выделения результатов, полученных благодаря ему [18–20];

- реконструкция самого спора в истории философии, логики и методологии науки, поиск наиболее существенных характеристик данного спора, позитивных аспектов психологизма, классификация форм проявления данной антитезы [3, 21–23, 25, 27–29, 31–33];
- возвращение (не всегда явным образом декларируемое) в логику и методологию науки проблем, которые раньше связывались с психологизмом и поэтому были исключены из рассмотрения антипсихологической науки [17, 30];
- призыв к пересмотру фреге-гуссерлевского антипсихологизма и возрождению психологизма, в основу которого должна быть положена научная психология, отличная от ассоциативной психологии [26];
- реставрация психологизма на каких-то принципиально иных основаниях [4].

В перечисленных признаках уже прослеживается явное преобладание интереса именно к проблемам психологизма, к его возрождению. В контексте концепции ЛКД, где психологизм рассматривается как одна из логико-культурных доминант, возрождение такого интереса представляется очевидным, необходимым. Вместе с тем возникает вопрос: если за возрождением интереса к данной проблематике следует возрождение и самого психологизма как определенного направления в методологии науки, определенной логико-культурной доминанты, в каких формах проявляется подобное возрождение?

На мой взгляд, можно выделить по крайней мере два принципиально разных подхода к самой идее возрождения. Причем оба в методологическом плане имеют аналоги в истории круговорота идей психологизма и антипсихологизма. Наиболее радикальная, на мой взгляд, форма возрождения психологизма выражена Дж. Эчем [26]. В его подходе повторяются основные методологические принципы классического пси-

хологизма, в силу чего данный подход к возрождению психологизма мне представляется бесперспективным. Эч предлагает, сохранив все базовые принципы, заменить ассоциативную психологию на бихевиоризм. В частности, он пытается сохранить важнейший методологический принцип классического психологизма, в соответствии с которым менее фундаментальные дисциплины, в частности логику и теорию познания, надо строить на основе более фундаментальной дисциплины — психологии.

Иная форма возрождения психологизма была предложена в программе метапсихологизма В.Н. Брюшинкина [4]. «Психологизм» Брюшинкина я считаю возможным охарактеризовать как анти-антипсихологизм, что нетождественно классическому психологизму. Аналогичным образом, на мой взгляд, могут быть представлены некоторые идеи Выготского, позднего Витгенштейна, Бахтина [23].

Далее остановлюсь на программе метапсихологизма В.Н. Брюшинкина. Проблему возвращения психологизма в логику Брюшинкин «встраивает» в общую концепцию философских взглядов на логику, связывая между собой «гуманитарную установку» в логике и возвращение в нее «человеческого фактора». В качестве центральной проблемы философии логики он рассматривает проблему соотношения формализованных логических процедур и естественного мышления, которое, в частности, проявляется в процессах рассуждения и аргументации. «Философия логики начинается с разделения логических процедур, совершаемых при помощи формализованных языков, и естественного мышления, не пользующегося формализованными языками» [4; с. 13]. Понятие «естественное мышление» используется им для характеристики ежедневных «массовидных» процессов рассуждения, зависящих от запаса знаний, навыков субъекта, его психологических

особенностей. Совершенно очевидно, что вводить «психологизм» в процессы «естественных рассуждений» нет никакой необходимости, ибо его просто невозможно «вынуть» оттуда. Программа метапсихологизма Брюшинкина направлена на возвращение психологизма именно в логику. Формулировка такой задачи в общей форме, без детализации, внешне практически ничем не отличается от традиционного психологизма. Тем не менее различия между классическим психологизмом и психологизмом (метапсихологизмом) Брюшинкина носят принципиальный характер. В чем они заключаются?

Эти различия начинаются с дифференциации области логических исследований. В качестве объекта, служащего основанием для философских обобщений в логике, Брюшинкин выделяет новую и еще не вполне сформировавшуюся область символической логики — теорию поиска вывода. Она начала формироваться с конца 1950-х годов, и получила свое развитие в середине 1970-х в работах С.Ю. Маслова. Брюшинкин ставит задачу возвращения психологизма в логические процедуры, но при этом сама логическая процедура понимается им как сложная система, состоящая из двух подсистем: поиска вывода и вывода.

Возвращение психологизма в логику, как показывает автор программы метапсихологизма, возможно только в рамках одной из этих подсистем: в поиске вывода, который ведется на метауровне исследования и позволяет в процессе поиска конкретного варианта вывода моделировать некоторые процессы естественного мышления. В терминах психологизма и антипсихологизма анализируемая программа может быть изложена следующим образом. Для данной концепции «нового психологизма» характерны непсихологистическое истолкование процедуры логического вывода (сохранение основополагающего тезиса антипсихологиз-

ма в логике) и одновременно представление о логических процедурах (на уровне поиска вывода, осуществляемого субъектом) как некоторых моделях естественного мышления, а этот тезис, в свою очередь, является модификацией важнейшего тезиса логического психологизма, в соответствии с которым логика представляет процессы человеческого мышления. Фактически «новый психологизм», метапсихологизм Брюшинкина предусматривает синтез некоторых идей психологизма и антипсихологизма в логике. В начале XX века подобный путь синтеза, но по отношению к психологизму и антипсихологизму в эстетике, был предложен Л.С. Выготским. Такой синтез позволяет вернуть познающего субъекта в науку.

Психологизм в любой науке замыкался на анализ возможностей познающего субъекта, антипсихологизм — просто выводил субъекта за рамки науки. В концепции синтеза психологизма и антипсихологизма в логике субъект, совершающий логические процедуры, не учитывается при характеристике вывода и, наоборот, включен в характеристику поиска вывода. Различение в рамках логической процедуры вывода и поиска вывода позволяет Брюшинкину утверждать (а затем и показать на конкретных примерах анализа психологистической трактовки дедукции в секвенциальных системах Дж. Робинсона, концепции Ж. Пиаже, модели мышления С.Л. Рубинштейна и т.д.), что символическая логика, не занимаясь эмпирическим исследованием мышления, «способна давать нам информацию (по крайней мере) о некоторых аспектах процесса мышления» [4; с. 37]. На мой взгляд, такая постановка вопроса не ведет к возвращению классического психологизма с его тремя основными признаками. Речь не идет о том, чтобы представить логический вывод как отражение какой-либо психической реальности. Важнейшая идея «нового психоло-

гизма» заключается в том, что в процедуре поиска вывода есть место для «человеческого фактора», для познающего субъекта. Само понятие логической процедуры является адекватной основой как для решения проблем философии логики, так и для реализации программы метапсихологизма.

Анализ, проведенный Брюшинкиным на логическом и психологическом материале, направлен на доказательство возможности и необходимости логического моделирования некоторых аспектов естественного мышления. В этой форме «нового психологизма» не реставрируются редуccionистские идеи «старого психологизма» о построении и объяснении всех других наук на базе психологии. Как я уже отмечала, в данной концепции синтезируются некоторые идеи психологизма и антипсихологизма, а «человеческий фактор», рассуждающий субъект оказывается существенным элементом символической логики.

Идентификация ЛКД происходит на метауровне исследования. На этом уровне анализируемые проблемы оказываются идентичными для разных пластов культуры. В частности, проблема психологизма-антипсихологизма оказывается общей и для логики, и для теории познания, и для методологии, и для психологии, и для лингвистики, и для литературоведения, и для семиотики, и для театроведения. Такую проблему можно зафиксировать в разных пластах гуманитарной культуры.

Именно метатеоретический уровень анализа позволяет рассматривать ЛКД как единую, сквозную проблематику для разных пластов культуры. Более того, именно этот уровень позволяет выявлять ошибки, неточности в рассуждениях исследователей. Например, контекст эпохи может свидетельствовать: проблема психологизма-антипсихологизма — не только логическая. Однако какой-то конкретный исследователь, в

свою очередь, может не замечать данный факт. Метатеоретический уровень анализа логико-культурной доминанты эпохи позволяет выявлять неточности в рассуждениях таких исследователей. Такие неточности в изложении проблемы, например, можно найти в работе современного американского исследователя Дж. Эча. В статье «Пересмотренный психологизм: революция аргументов Фреге и Гуссерля» он связывает проблему психологизма-антипсихологизма исключительно с логикой. Поставив перед собой задачу возрождения логического психологизма, он попутно, косвенно, как бы лишний раз подчеркивает сложившуюся традицию соотнесения психологизма с одной конкретной наукой, чаще всего с логикой, не замечая целостный контекст обсуждения проблем психологизма-антипсихологизма. Внешне такой подход кажется вполне обоснованным. Ведь наиболее острые споры между психологизмом и антипсихологизмом проходили именно в русле логической проблематики. Разгром психологизма и победа антипсихологизма в начале XX века тоже произошли на «логическом поле». Однако даже крупнейшие представители антипсихологизма не заметили, что логическая проблематика была только внешней стороной проблемы. Поэтому психологизм вновь возродился спустя буквально несколько десятилетий после его разгрома, но уже в форме социального, пришедшего на смену психологизму индивидуальному.

Свою задачу я вижу в том, чтобы показать сквозной характер данной проблемы для разных пластов гуманитарной культуры определенной эпохи; понять глубину этого явления можно лишь на уровне всей гуманитарной культуры. Впрочем, я предполагаю, что такое явление, как ЛКД, характеризует не только гуманитарную культуру, пласты гуманитарного знания, но и проникает в структуру естественнонаучного зна-

ния. Концепция метапсихологизма, выдвинутая и разработанная В.Н. Брюшинкиным, оказывается работающей на любом уровне анализа знания.

Список литературы

1. *Бирюков Б.В.* Актуальные проблемы философско-кибернетических исследований // Философские науки. 1981. № 2.
2. *Бирюков Б.В.* Человеческий фактор в логике в свете проблемы «искусственного интеллекта». Четыре контрверсы логической мысли и кибернетика // Кибернетика и диалектика. — М.: Наука, 1978.
3. *Брюшинкин В.Н.* Метапсихологизм в логике // Вопросы философии. 1986. № 12.
4. *Брюшинкин В.Н.* Логика, мышление, информация. — Л.: ЛГУ, 1988.
5. *Витгенштейн Л.* Заметки о книге Дж. Фрэзера «Золотая ветвь» // Историко-философский ежегодник, 89. — М., 1989.
6. *Витгенштейн Л.* Избранные тексты // *Грязнов А.Ф.* Материалы к курсу критики современной буржуазной философии (Философия языка Л. Витгенштейна). — М., 1987.
7. *Витгенштейн Л.* Лекция об этике (1929 или 1930 г.) // Историко-философский ежегодник, 89. — М., 1989.
8. *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат. — М.: Иностранная литература, 1958.
9. *Витгенштейн Л.* Философские исследования // Новое в зарубежной лингвистике. — М., 1985. Вып. XVI.
10. *Меськов В.С.* От логики рассуждений к методологии когнитивной деятельности // РАЦИО.ru. Электронный научный журнал Рос-

- сийского государственного университета им. Иммануила Канта. 2009. № 2 // http://ratio.albertina.ru/get_file.php?file_id=328.
11. Меськов В.С., Мамченко А.А. Мир информации как тринитарная модель Универсума. Постнеклассическая методология когнитивной деятельности // Вопросы философии. 2010. № 5.
 12. Меськов В.С., Мамченко А.А. Цикл трансформации когнитивного субъекта. Субъект, среда, контент. Постнеклассическая методология когнитивной деятельности // Вопросы философии. 2010. № 10.
 13. Меськов В.С., Сорина Г.В. Логика: взгляд из культуры // Логическая семантика: перспективы для философии языка и эпистемологии: Сб. научных статей, посвященных юбилею Е.Д. Смирновой / отв. ред. Е.Г. Драгалина-Черная и Д.В. Зайцев. — М.: Креативная экономика, 2011.
 14. Меськов В.С. «Я есть истина...» // Ценности и смыслы. 2012. № 3 (19).
 15. Михальский К. Логика и время: опыт анализа теории смысла Гуссерля. — М., 2010.
 16. Мусеев Н.Н. Проблема возникновения системных свойств // Вопросы философии. 1992. № 11.
 17. Сааринен Е. Хинтиikka, Кастанеда и Куайн о «Квантификации в некоторые основополагающие проблемы в интенциональной логике» // Исследования по неклассическим логикам. — М., 1989.
 18. Смирнова Е.Д. Основы логической семантики. — М., 1990.
 19. Смирнова Е.Д. Истинность и вопросы обоснования логических систем // Исследования по неклассическим логикам. — М.: Наука, 1989.

20. *Смирнова Е.Д.* Логическая семантика и философские основания логики. — М.: МГУ, 1986.
21. *Сорина Г.В.* Кант, Гуссерль и проблема психологизма // Кантовский сб. — Калининград, 1987. Вып. 12.
22. *Сорина Г.В.* Психологизм и антипсихологизм о роли логики в научном познании (конец XIX — начало XX в.) // Философские науки. 1986. № 6.
23. *Сорина Г.В.* Логико-культурная доминанта. Очерки теории и истории психологизма и антипсихологизма в культуре. — М., 1993.
24. *Твардовский К.* Автобиография // Вопросы философии. 1992. № 9.
25. *Хаанаранта Л.* Кант и философские основания логики Фреге // Кантовский сб. — М., 1986.
26. *Aach F.* Psychologism reconsidered: a re-evaluation of the arguments of Frege and Husserl // Synthese 85. 1990.
27. *Currie G.* Frege. An Introduction to his Philosophy. — Brighton: Harvester, 1982.
28. *Currie G.* Frege and Popper: Two critics of psychologism // Imre Lakatos and theories of scientific change. — Dordrecht etc., 1989.
29. *Haack S.* Philosophy of logic. — Cambridge, 1978.
30. *McKinsey M.* Psychologism in Semantics // Canadian Journal of Philosophy. 1983. Vol. XIII. № 1. March.
31. *Montgomery R.* Psychologism, folk psychology and one's own case // J. for the theory of social Behaviour. — Oxford, 1987.
32. *Notturmo M.A.* Frege and the psychological reality thesis // J. for the theory of social Behaviour. — Oxford, 1982. Vol. 12. № 3.
33. *Thagard P.* Frames, knowledge, and inference // Synthese. 1984. Vol. 61. № 2.

34. *Wittgenstein L.* Last writings on the philosophy of psychology. – Chicago: Univ.of Chicago press, 1982.
35. *Wittgenstein L.* Remark on the philosophy of psychology. – Oxford: Blackwell, 1980. Vol. 1, 2.

Об авторе

Сорина Галина Вениаминовна – доктор философских наук, профессор философского факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, gsorina@mail.ru.

About author

Prof. Dr. *Galina Sorina*, Faculty of Philosophy, Mikhail Lomonosov Moscow State University, gsorina@mail.ru.